

С. А. Ерёмкина

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-1422-5740 E-mail: swegle@yandex.ru.

Речевой портрет Н. С. Трубецкого на материале письма к П. П. Сувчинскому

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вопросу изучения языковой личности на материале личного письма — одного из жанров письменной коммуникации. Цель исследования — выявить языковые единицы, характеризующие языковую личность как полифоничный феномен и носителя определенных идей в личных письмах. Материалом для анализа стало письмо Н. С. Трубецкого к П. П. Сувчинскому. С помощью современных методов анализа дискурса и текста были рассмотрены условия, в которых создавалось письмо, определены коммуникативная цель и мотивация создания письма, определены лингвистические способы репрезентации адресанта, проанализированы случаи рациональной и иррациональной оценки описываемого материала. Приводятся примеры языковой игры, использования средств выразительности, прецедентные феномены, случаи проявления лингвистической креативности языковой личности. Обосновывается целесообразность изучения речевого портрета ученого на материале его эпистолярного наследия в динамике, где каждый новый текст дает новые образцы вербализации его мыслительного процесса. В результате анализа были выявлены два мотива, которые могут быть охарактеризованы как постоянные, конститутивные для языковой личности ученого: наука и жизнь в эмиграции. В области науки ученый представляется как персона, дающая категоричные, развернутые и рациональные оценки. Об окружающей обстановке ученый пишет экспрессивно, свободно в лексическом отношении, дает волю языковой игре и нагружает текст коннотациями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность; речевой портрет; эпистолярное наследие; личные письма; идиолексикон; лингвоперсонология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Еремина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: swegle@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ерёмкина, С. А. Речевой портрет Н. С. Трубецкого на материале письма к П. П. Сувчинскому / С. А. Ерёмкина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 139-144. — DOI 10.26170/pl19-06-17.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья выполнена с финансовой поддержкой гранта РФФИ № 19-012-00465/19 «Лингво-политическая персонология: дискурсивный поворот».

Современная лингвистика весьма продуктивно исследует языковую личность, характеризуя ее на материале текстов разной жанрово-стилевой организации. Теория языковой личности, разработанная отечественными учеными (Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, Н. Д. Голев, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротинина и др.), определяет языковую личность как персону, владеющую ресурсами языка и использующую данные ресурсы в качестве средства формирования и выражения мыслей для решения различных задач в коммуникативном процессе.

Языковая личность ученого — сложная многослойная единица, несущая на себе печать элитарной языковой культуры. А. В. Курьянович отмечает, что «категориальные и типологические свойства языковой личности, проявляемые ею в текстовой деятельности, имеют явную дискурсивную обусловленность», а Н. Д. Голев, вводя понятие «антропотекст» как «отражение в тексте особого качества языковой способности его автора

или адресата», подчеркивает, что «вариативность антропотекстов есть отражение разнообразия языковых личностей и типов языковой способности, наличием которых они характеризуются» [Курьянович 2014: 259; Голев 2005: 84]. Таким образом, изучение речевого портрета ученого на материале его эпистолярного наследия, где в каждом новом тексте проявляются новые нюансы вербализации его мыслительного процесса, представляется весьма продуктивным.

В процессе коммуникации ученый вербализует свои мысли, и этот процесс вербализации не является статичным явлением, а осуществляется во времени, пространстве и в коммуникативной обусловленности. Полагая, что языковую личность следует изучать в ее динамике. Этот подход реализуется в изучении репрезентации языковой личности в серии языковых портретов как вариантов такой репрезентации, обусловленных временем создания текста, пространственной составляющей, а также партнером по общению.

В последнее десятилетие учеными создано достаточно много речевых портретов языковой личности, маркированных профессионально, социально, хронологически, гендерно и т. п. (В. И. Карасик, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, Л. П. Крысин, Е. А. Земская, О. В. Томберг, Л. Н. Чурилина и др.)

При выявлении речевого портрета мы опираемся на модель описания языковой личности, предложенную Ю. Н. Карауловым, представленную тремя основными уровнями: 1) вербально-семантический (вербально-грамматический) уровень, или лексикон, к которому Ю. Н. Караулов относит единицы, традиционно используемые при описании лексического и грамматического строя языка (слово, морфема, словоформа, словосочетание, синтаксема); 2) лингвокогнитивный уровень, или тезаурус, в состав единиц которого включаются денотат, сигнификат, фрейм, фразеологизм, метафора, каламбур и др. Именно эти единицы организуют статичную и относительно стабильную картину мира; 3) мотивационный уровень, или прагматикон, в качестве единиц которого выступают тексты, пресуппозиция, дейксис, способы аргументации, «сценарии» и др. Эти единицы отражают интенции, цели и активную позицию носителя языка [Караулов 2006].

На вербально-семантическом уровне рассматриваются слова и их значения, на когнитивном — концепты. Высшим уровнем является мотивационный, так как отвечает на вопрос, с какой целью адресант использует в своем тексте именно эти слова и когнитивные, какую мысль автор хочет выразить и передать в тексте.

Таким образом, в описании языковой личности мы будем придерживаться следующей схемы анализа:

- Социокультурная ситуация и лингвокультурологическая репрезентация личности (отражение элементов культуры в языке).
- Репрезентация мотивов адресанта.
- Рефлексия адресанта.
- Особенности речевого поведения (этикетные формулы, речевые клише, прецедентные феномены, языковая игра).
- Особенности языковых единиц разных уровней.

Предметом анализа явилось описание языковой личности ученого Н. С. Трубецкого на материале личных писем, адресованных другу, единомышленнику по научным и политическим взглядам П. П. Сувчинскому. Анализ проводится на материале письма, написанного 15 декабря 1921 года в Болгарии в начале эмиграции. Н. С. Трубецкой, дворянин, специалист в области сравнительного языкознания, В 1920 г. эмигриро-

вал в Болгарию, преподавал в Софийском университете; издал сочинение «Европа и человечество», в котором близко подошел к разработке евразийской идеологии. Книга обсуждалась в софийском семинаре, в котором участвовали П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский, П. Н. Савицкий — это привело к рождению евразийской идеологии. Первый сборник евразийцев вышел в Софии в 1921 г. Н. С. Трубецкой — активный участник евразийского движения, один из его теоретиков и политических лидеров, до конца жизни оставался непримиримым противником коммунизма, воцерковленным православным христианином.

Личное (частное) письмо в данном контексте понимается как «разговорный жанр, отражающий неофициальное письменное общение людей. Характеризуется соединением целей: автор письма информирует своего адресата о важных для него фактах, мыслях, проблемах, событиях, лицах, он делится с адресатом своими переживаниями, побуждает его к целесообразным действиям. Автор воспроизводит при этом форму непосредственного общения с адресатом, сохраняет принятую между ними тональность общения» [Матвеева 2003: 230].

Методическим способом выявления речевого портрета языковой личности в ее вариантах является метод наблюдения и научного описания эпистолярного дискурса (термин А. В. Курьянович) — писем Трубецкого к Сувчинскому. Метод контентного анализа позволил выявить частотные темы, затрагиваемые автором в серии писем за 1921—1922 гг. Метод классифицирования позволил выявить конституционные (постоянные) признаки, определяющие языковую личность, и переменные (вариантные).

Результатом анализа стал портрет, который и репрезентирует тип языковой личности как полифоничную персону, систему определенных историко-научных ценностей.

С помощью современных методов анализа дискурса и текста были рассмотрены условия, в которых создавалось письмо, определены коммуникативная цель и мотивация создания письма, определены лингвистические способы репрезентации точки зрения адресанта, проанализированы случаи языковой игры, использования средств выразительности, прецедентные феномены, случаи проявления лингвистической креативности языковой личности.

Анализ письма позволил выявить ключевые мотивы, репрезентируемые языковой личностью Трубецкого. В тексте такими ключевыми мотивами являются две линии — это наука и жизнь.

Сфера науки представлена дискуссией о евразийстве, о содержании и издании евразийского сборника статей, финансировании этого сборника и круге людей, пишущих статьи и разделяющих взгляды евразийства.

Сфера жизни представлена описанием быта и окружения Трубецкого в Софии.

Рассмотрим презентацию каждой из данных линий.

О науке Трубецкой говорит лапидарно, но проявляет знание предмета речи. Язык письма в части рассуждения о статьях для печати категоричен. Он использует выражения «*весьма спорный*», «*совершенно безупречно*», категорическая оценка дается развернуто и ярко. Автор письма свободно оперирует научной терминологией. Ср.: *Между тем эта статья представлялась мне весьма спорной, особенно для помещения во второй сборник, как я его себе представлял. Если бы можно было записать ту лекцию, которую К<арташев> читал в Софии, — это было бы совсем то, что нужно: ярко, конкретно, актуально и совершенно безупречно с точки зрения ортодоксального евразийства.*

Речь адресанта дискуссионна. Он выдвигает тезис, сопровождающийся рациональной оценкой, и далее разворачивает мысль, излагая факты. Ср.: *Статья Бацилли, довольно интересная, изображающая историю всего Старого Света как борьбу двух географических элементов, — береговых областей (Греция, Рим, Аравия, Персия, Индия, Китай), стремящихся к обособлению, и областей центральных (монголы, потом Россия), стремящихся к объединению и установлению „великих путей“ через весь континент.*

Дискуссионность, которая лежит в основе рассуждений о евразийстве, сопровождается четкостью разведения понятий и категоричностью оценок. Ср.: *Предполагается еще по одной статье от Флоровского, Савицкого и от меня (я хочу писать о том, призывая к религии и вместе с тем к Востоку, мы вовсе не зовем к „религиям Востока“, как это думают некоторые, ибо „мистика Востока“ есть прелесть сатанинская, истинная вера только православная, подражать же Востоку нужно лишь в его отношении к религии, а не самой его религии — буддизму, исламу и т<ому> под<обному>).*

Такие интенции показывают, что автор письма является специалистом в данной области, осознает это и считает себя специалистом, способным регулировать в данном случае научный процесс. Ср.: *«Никаких соглашений, объединений и пр<очего>*

быть не может. Если найдется человек совсем к нам подходящий — милости просим. И то с разбором, напр<имер>, жиды — нельзя, старых греховодников, изблудившихся и исписавшихся, но жаждущих обновления, — тоже не очень-то. Между прочим, не относится ли А. Белый именно к этой категории? Ремезова я совершенно не знаю и смутно представляю себе его прежний литературный облик. Если он действительно наш (вполне наш, вплоть до православия), то нельзя ли получить от него что-нибудь если не для сборника, то для будущего журнала или альманаха?»; «С эсерами, особенно из **жидов**, будьте как можно **осторожнее**. Отталкивать их и обижать, конечно, нельзя (к сожалению), ибо они могут пригодиться. Но не дай Бог не только связаться с ними, но и хотя бы близко подпустить, ибо они **народ цепкий**, пристанут — не **отвяжешься**».

Адресант общается с равным себе, единомышленником и другом, и это создает в письме некую зону перехода от оценки рациональной к оценке эмоциональной. Он позволяет себе употреблять презрительные, просторечные и даже бранные слова (такие как «*изблудившиеся*», «*жиды*»), осознавая, что находится с адресатом в паритетных отношениях и будет понят адекватно. Возможно, поэтому он переходит и на особо доверительный тон, проявляя национально ориентированную оценку, которая была характерна для русского дворянства начала XX в. Ср.: «С эсерами, особенно из **жидов**, будьте как можно **осторожнее**. Отталкивать их и обижать, конечно, нельзя (к сожалению), ибо они могут пригодиться. Но не дай Бог не только связаться с ними, но и хотя бы близко подпустить, ибо они **народ цепкий**, пристанут — не **отвяжешься**». Ср.: *«Наклеивается ли издатель?... я бы предпочел издаваться не в Праге, где это может быть использовано эсерами, а в Берлине у **кадета-жиды** Гессена, которого никто в евразийстве, конечно, не заподозрит. Впрочем, если найдется другой нейтральный издатель, то можно и его. Во всяком случае, **cherchez l'éditeur!**»*

При категоричных оценках по отношению к другим адресата лично в глаза не оценивает, прячется за общую фразу о большинстве мнений, а далее идет рефлексия и четкая аргументированность. Ср.: *Ваша статья (безымянная), в которой, между прочим, по общему мнению, надо либо совсем **похерить**, либо **значительно изменить и сократить среднюю часть** (об искусстве), дословно повторяющую многое из „Эпохи веры“.*

Вторая линия — это жизнь. София, быт, окружение и общая обстановка жизни в эмиграции. Если в части письма, где обсуждаются статьи, присутствует рациональное начало, то о жизни Трубецкой пишет эмоционально, используя различные средства выразительности.

София оценивается как место скучное, провинциальное и не имеющее достаточного круга людей для общения и обмена мыслями. В оценке места проявляется грусть. Ср.: «**Особых происшествий в Софии мало. Все нас покинули. Савицкий уже уехал в Прагу, Флоровский уезжает послезавтра**»; «**Скучно здесь жить. Непременно уедем отсюда. Когда читаешь Ваши письма, прямо зависть берет. Там у Вас жизнь. А здесь болото**».

Трубецкой использует контекстуальную антитезу. В идиолексиконе проявляется словотворчество. Ср.: *Там у Вас жизнь. А здесь болото. Если здесь долго еще прожить, то заболотеешь и опровинциализишься сам. Я это уже чувствую. Особенно же „лидерствовать“ из болота трудно.*

Описание жизни эмиграции дается оценочно и в большей степени отрицательно. Ср.: ***Большой скандал был в церкви по поводу тезоименитства Марии Федоровны. Правые заказали молебствие Шавельскому, Петрыев попросил его не служить, в последнюю минуту стал служить один Рождественский, скороговоркой и без многолетия, после чего страсти настолько разбушевались, что Богаевского насилу выволокли на паперть.***

Изображая эмигрантов вне научного круга, дает также отрицательную оценку, используя прием антономазии. Ср.: *Чествование Достоевского у нас прошло, откровенно говоря, скандально. Речь Флоровского была интересна, но утомительна и не рассчитана на публику, а после речи стали петь песни разные **запорожцы и воронцы**: тут были и „спите, орлы боевые“ и ария Мазепы и даже дуэт „Ванька Таньку полюбил“.*

О людях науки говорит сдержанно и деликатно: *Сегодня **грустная новость**, — похоронили проф<ессора> Медведева, который умер внезапно, не то от удара, не то от отравления. Кажется, Вы знали его. Очень хороший был человек.*

Иронизируя над жизнью в Софии и эмигрантами, Трубецкой создает каламбуры. Ср.: *Соколов с Гримом и с „Вестингаузом“ издают газету, в которой **Евразайцев** пишет литературные фельетоны, Шавельский рассуждает о церковности, а **Дзуутробкин** будет писать о финансах. **Евразайцев** волнуется, хочет ехать в Прагу, но боится, что не удастся.*

Иронически описывает и собственную болезнь. В описании недугов проявляется лингвокультурная составляющая адресанта. Он играет со словом, использует прецедентные тексты. Ср.: *...нахожусь в **мирлихлюндии**; в мирлихлюндии нахожусь потому, что бросил курить, курить же бросил потому, что у меня был плеврит: сначала колит, потом плеврит, „за **итом ит**“ сказал бы Маяковский.* Цитаты из художественной литературы (игра слов на основе стихов Маяковского) говорят о широком культурном фоне, оттеняющем языковую личность Трубецкого. Оборот «за **итом ит**» и упоминание «сказал бы Маяковский» указывает, что Трубецкой очень хорошо знаком с творчеством Маяковского и его любимой синтаксической конструкцией: за кем/чем + кто/что — у Маяковского «за **оргией оргию**», «за **рабом раба**», «за **кадетом кадет**» (ср. также: *Демократизмы, гуманизмы — идут и идут за измами измы*). Нет сомнений и в том, что и адресат знаком с творчеством Маяковского.

Активно пишущий использует слова в переносном значении (метафору). Ср.: *На все на это приехал Савицкий, полный энергии и задора. Он нас **расшевелил**.*

Письмо написано с соблюдением всех канонов текста данного жанра. Используются контактоустанавливающая и контактозавершающая реплики, характерные для дружеского типа общения. Письмо начинается фразой «Дорогой Петр Петрович!», а заканчивается «Обнимаю Вас». Данное письмо заканчивается яркими социально маркированными этикетными формулами, указывающими на статус близости адресата адресанту (это друзья) и его социальный статус. Ср.: *Крепко обнимаю Вас. Все Вас приветствуют. Как здоровье Марии Алексеевны? Целую ручки Анне Дмитриевне и Анне Ивановне. Ваш кн<язь> Н. Трубецкой.*

Итак, первое письмо позволяет составить портрет полифоничной языковой личности, конституальными признаками выделения которой являются мотивы *науки и жизни в эмиграции*. Переменными признаками следует считать оценки, которые проявляются в канве письма, оценки, обусловленные адресатом письма. На научные темы ученый пишет категорично, развернуто, употребляет слова с четко определенным понятийным значением. О жизни он пишет экспрессивно, свободно в лексическом отношении, дает волю языковой игре, нагружает текст коннотациями. Представляется перспективным рассмотреть динамику языковой личности в зависимости от изменения места и времени создания эпистолярного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. — Л., 1984. 254 с.
2. Голев Н. Д. Лингвоперсонология, антропотекст, типы языковой личности (лингвоперсономы) // Университетская филология — образованию: человек в мире коммуникаций. — Барнаул, 2005. С. 84—86.
3. Земская Е. А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (третье поколение) // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 196—207.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М., 2004. 390 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е, стер. — М.: КомКнига, 2006. 264 с.
6. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. — М., 1995. 128 с.
7. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90—106.
8. Курьянович А. В. Эпистолярная языковая личность: к вопросу определения категориальных и типологических черт // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epistolarnaya-yazykovaya-lichnost-k-voprosu-opredeleniya-kategorialnyh-i-tipologicheskikh-cher-t>.
9. Личность ученого: социально-психологический портрет: реф. сб. / РАН. ИНИОН, Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; отв. ред. Т. В. Виноградова. — М., 2009. 132 с. (Сер. «Науковедение за рубежом»).
10. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. — М.: Флинта: Наука, 2003. 432 с.
11. Седов К. Ф. Дискурс и личность. — М., 2004. 304 с.
12. Седов К. Ф. Типология и портретирование наших современников // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно ориентированное обучение. — Барнаул; Кемерово, 2006. С. 149—204.
13. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые им риски. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013. 116 с.
14. Томберг О. В. Речевой портрет в сопоставительном описании: лингвокультурологический аспект // Вектор науки. — Тольятти, 2012. № 3. С. 196—200.
15. Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921 — 1928 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К. Б. Ермишиной. — М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»: Русский путь, 2008. 384 с.
16. Чурилина Л. Н. «Языковая личность» в художественном тексте. — М., 2006. 240 с.

S. A Eremina

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1422-5740 E-mail: swegle@yandex.ru.

Speech Portrait of N. S. Trubetskoy on the Material of the Letter to P. P. Suvchinskiy

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of linguistic personality on the material of personal letter – one of the genres of written communication. The aim of the study is to identify the linguistic units that characterize the linguistic personality as a polyphonic phenomenon and the carrier of certain ideas in personal letters. The study analyzes N. S. Trubetskoy's letter to P. P. Suvchinsky. Using the modern methods of discourse and text analysis, the author investigates the conditions under which the letter was created, defines the communicative purpose and motivation of the letter, identifies the linguistic means of representation of the sender, and analyzes the cases of rational and irrational evaluation of the material described. The article provides examples of language game, use of expressive means, precedent phenomena, and instances of manifestation of linguistic creativity of the linguistic personality. The author substantiates the expediency of studying the speech portrait of the scholar on the material of his epistolary heritage in dynamics, where each new text gives new examples of verbalization of his process of reasoning. The analysis has revealed two motives that can be characterized as permanent and constitutive for the linguistic personality of the scholar: science and life in exile. In the field of science, the scholar is presented as a person who gives categorical, detailed and rational assessments. The scientist writes about the environment expressively, freely in lexical terms, gives free rein to language game and loads the text with connotations.*

KEYWORDS: *linguistic personality; speech portrait; epistolary heritage; personal letters; individual lexicon; linguopersonology.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Eremina Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Eremina, S. A. Speech Portrait of N. S. Trubetskoy on the Material of the Letter to P. P. Suvchinskiy / S. A. Eremina // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 139-144. — DOI 10.26170/pl19-06-17.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project №19-012-00465/19 “Linguo-Political Personology: Discursive Turn”.*

РЕФЕРЕНСЫ

1. Bogin G. I. A model of a linguistic personality in its relation to varieties of texts. — Leningrad, 1984. 254 p. [Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov. — L., 1984. 254 s.]. — (In Rus.)
2. Golev N. D. Linguopersonology, anthropotext, types of linguistic personality (linguopersonoms) // University Philology — for education: a person in the world of communications. — Barnaul, 2005. P. 84—86. [Lingvopersonologiya, antropotekst, tipy yazykovoy lichnosti (lingvopersonemy) // Universitetskaya filologiya — obrazovaniyu: chelovek v mire kommunikatsiy. — Barnaul, 2005. S. 84—86]. — (In Rus.)
3. Zemskaya E. A. Speech portrait of an emigrant of the first wave (third generation) // Russian language in scientific coverage. 2008. No. 1 (15). P. 196—207. [Rechevoy portret emigrantki pervoy volny (tret'e pokolenie) // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2008. № 1 (15). S. 196—207]. — (In Rus.)
4. Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. — Moscow, 2004. 390 p. [Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — M., 2004. 390 s.]. — (In Rus.)

5. Karaulov Yu. N. Language circle: personality, concepts, discourse. — Moscow, 2004. 390 p. [Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd. 5-e, ster. — M. : KomKniga, 2006. 264 s.]. — (In Rus.)
6. Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. Russian speech portrait. Phonohrestomaty. — Moscow, 1995. 128 p. [Russkiy rechevoy portret. Fonokhrestomatiya. — M., 1995. 128 s.]. — (In Rus.)
7. Krysin L. P. Modern Russian intellectual: an attempt at a speech portrait // Russian language in scientific coverage. 2001. No. 1. P. 90—106. [Sovremennyy russkiy intelligent: popytka rechevogo portreta // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. № 1. S. 90—106]. — (In Rus.)
8. Kur'yanovich A. V. Epistolary linguistic personality: on the issue of determining categorial and typological features // Siberian Journal of Philology. 2014. No. 4. [Epistolyarnaya yazykovaya lichnost': k voprosu opredeleniya kategorial'nykh i tipologicheskikh chert // Sibirskiy filologicheskii zhurnal. 2014. № 4]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epistolyarnaya-yazykovaya-lichnost-k-voprosu-opredeleniya-kategorialnyh-i-tipologicheskikh-chert>. — (In Rus.)
9. The personality of the scientist: socio-psychological portrait : collection of abstracts / RAS. INION, Center for Scientific-Inform. Researches about Science, Education and Technology ; resp. ed. T. V. Vinogradova. — Moscow, 2009. 132 s. (Ser. "Science of Science Abroad"). [Lichnost' uchenogo: sotsial'no-psikhologicheskii portret : ref. sb. / RAN. INION, Tsentr nauch.-inform. issled. po nauke, obrazovaniyu i tekhnologiyam ; otv. red. T. V. Vinogradova. — M., 2009. 132 s. (Ser. «Naukovedenie za rubezhom»)]. — (In Rus.)
10. Matveeva T. V. Educational dictionary: Russian language, speech culture, stylistics, rhetoric. — Moscow : Flinta : Science, 2003. 432 p. [Uchebnyy slovar': russkiy yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika. — M. : Flinta : Nauka, 2003. 432 s.]. — (In Rus.)
11. Sedov K. F. Discourse and Personality. — Moscow, 2004. 304 p. [Diskurs i lichnost'. — M., 2004. 304 s.]. — (In Rus.)
12. Sedov K. F. Typology and portraiture of our contemporaries // Linguopersonology: types of linguistic personalities and personality-oriented learning. — Barnaul ; Kemerovo, 2006. P. 149—204. [Tipologiya i portretirovanie nashikh sovremennikov // Lingvopersonologiya: tipy yazykovykh lichnostey i lichnostno orientirovannoe obuchenie. — Barnaul ; Kemerovo, 2006. S. 149—204]. — (In Rus.)
13. Sirotnina O. B. Russian language: system, Usage and the risks they create. — Saratov : Publishing house of Saratov Univ., 2013. 116 p. [Russkiy yazyk : sistema, uzus i sozdavaemye imi riski. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2013. 116 s.]. — (In Rus.)
14. Tomberg O. V. Speech portrait in a comparative description: linguoculturological aspect // Vector of science. — Tolyatti, 2012. No. 3. P. 196—200. [Rechevoy portret v sopostavitel'nom opisanii: lingvokul'turologicheskii aspekt // Vektor nauki. — Tolyatti, 2012. № 3. S. 196—200]. — (In Rus.)
15. Trubetskoy N. S. Letters to P. P. Suvchinsky: 1921—1928 / comp., preparation of text, entry art. and note — K. B. Ermishina. — Moscow : Library-Fund "Russian Abroad" : Russian Way, 2008. 384 p. [Pis'ma k P. P. Suvchinskomu: 1921 — 1928 / sost., podgot. teksta, vstup. st. i primech. K. B. Ermishinoy. — M. : Biblioteka-fond «Russkoe zarubezh'e» : Russkiy put', 2008. 384 s.]. — (In Rus.)
16. Churilina L. N. "Language personality" in a literary text. — Moscow, 2006. 240 p. [«Yazykovaya lichnost'» v khudozhestvennom tekste. — M., 2006. 240 s.]. — (In Rus.)